

А. Р. Анварова, Т. Ф. Семьян
A. Anvarova, T. Semyan
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

ПОЭТИКА КНИГИ Г. У. САДУЛАЕВА «Я – ЧЕЧЕНЕЦ!»
POETICS OF G. U. SADULAEV'S BOOK «I AM A CHECHEN!»

Аннотация: В статье рассматривается поэтика дебютной книги Г. У. Садулаева «Я – чеченец!»: мотивно-образная система, особенности композиционной организации. Проанализирована жанровая номинация произведения «книга» и принципы организации книги.

Ключевые слова: жанр «книга»; ритм прозы; Садулаев; поэтика.

Abstract: The article considers the poetics of G. U. Sadulayev's debut book «I am a Chechen!»: motivic-figurative system, features of compositional organization. The author analyzes the genre category of the work «book» and the principles of book organization.

Keywords: the genre «book»; the rhythm of prose; Sadulayev; poetics.

Герман Умаралиевич Садулаев родился в 1973 году в селе Шали Чечено-Ингушской АССР, в семье русской учительницы Веры Павловны и агронома, чеченца Умарали Алиевича. Школьное образование получил в Грозном. Первое произведение, осколочная повесть «Одна ласточка ещё не делает весны» (позже часть книги «Я – чеченец!»), было написано в 2001 году и первоначально распространялось автором в Интернете; также он разослал его в различные издательства. Единственным издателем, которого заинтересовала осколочная повесть, стал Илья Кормильцев (издательство «Ультра. Культура»), который согласился опубликовать её, если та будет дополнена. Книга «Я – чеченец!» переведена на испанский, немецкий, английский, польский и шведский языки [1].

Анализируемое произведение не вписывается в традиционные жанровые каноны, поэтому анализ особенностей поэтики жанра книги «Я – чеченец!» является актуальным.

Книга написана под влиянием собственных переживаний двух чеченских войн конца XX века (1991–2004 годы). Это дебютная работа Садулаева, поэтому имеет место поиск творческих приёмов. Процесс создания таких многокомпонентных художественных единств приходится на переходные эпохи, время поиска новых форм. Можно говорить о близости с экспрессионизмом: конфликт, накал эмоций, взвинченное время. Автор-рассказчик зашёл в тупик культур, времён, состояния (война / мир), у него нет чёткого представления о спасении [3, с. 101].

Произведение имеет жанровую номинацию «книга», что значит цельность и взаимосвязь разнородных компонентов. Е. В. Пономарева и Ю. П. Агеева да-

ют следующее определение книги: «...наджанровое единство, композиционная форма особого типа, основанная на монтажном принципе построения материала и состоящая из двух или трёх относительно самостоятельных произведений, в которой фактически не реализуется иерархия "ключевой" / "периферийный" текст» [2, с. 103].

Композиция циклов бывает либо линейной (каждый следующий фрагмент дополняет предыдущий), либо круговой (части связаны за счёт повторов сюжетных ситуаций, более закрытая структура). В произведении «Я – чеченец!» реализуется второй тип последовательности, он тесно связан с важным для чеченской культуры образом круга (возвращение, жизнь) [2, с. 103].

Круг как символ жизни важен в чеченской мифологии, отсюда и обращение к жанровой номинации «венки сонетов». Образно говоря, осколочная повесть, рассказы, повесть и венки сонетов – всё это является «сонетом» в венке сонетов, книге «Я – чеченец!». Расположение фрагментов книги напоминает чеченский танец: медленно входит (крупные формы), постепенно начинает кружиться, заворачивается, ускоряется (малые формы), теперь чётко различимо только лицо танцора, смотрящего в одну точку. Одна точка в книге – мотивно-образная система.

Тексты разных жанров имеют сложную композицию, у них отличающаяся друг от друга внешняя организация, однако связь всех частей проявляется имплицитно. Их связывают воедино мотивы и образы (дети, война, память), ретроспектива как приём.

В книге перекликаются названия произведений, жанровые номинации, сюжетные фрагменты (про сумасшедших, друзей, семью и пр.), причём не всегда по порядку, а иногда как бы скачками (в самом сюжете писатель будто прыгает от прошлого к настоящему). Получается, что все части связаны не только линейно, но и каждая с каждой: отличаясь формой, сюжетом, вместе образуют единый комплекс.

На повторах основан ритм книги – повторение тем, образов, средств языковых и композиционных. Чтобы избежать возможной монотонности, автор сознательно включает в заголовочный комплекс произведений оригинальные жанровые номинации, задающие особый вектор восприятия. «Я – чеченец!» состоит из осколочной повести, венки сонетов, повести, шести новелл и рассказов. Можно говорить о цепи микросюжетов, так как каждая часть книги завершена в сюжетном плане. Они могут обладать почти поэтическим слогом (наращивание конструкций от предложения к предложению, повторы, анафоры и пр.). Для рассказов характерно смешение сюжета внешнего (события настоящего и прошлого) и внутреннего (эмоциональное состояние героя) [4, с. 226–227].

События смешиваются, фабула размывается. Сюжет книги иногда может в разных частях повторяться, но их все объединяет образ войны, бесполезной и беспощадной.

Форма повествования – от первого лица, рассказчик и автор – один и тот же человек, импульсивный, но спокойный. Герой мыслит эмоциями. Нет линейного времени и места, повествование идёт то из прошлого, то из настоящего, ино-

гда заглядывает в будущее. В связи с этим чёткое географическое местоположение определить невозможно.

Для Садулаева чеченская тема становится центральной в творчестве, она же и является изначальным импульсом к началу писательской деятельности. При анализе заглавия книги «Я – чеченец!» становится ясно, что для автора важна как самоидентификация, так и собственно чеченский конфликт, послуживший толчком к написанию.

Важно понять, что Герман Умаралиевич Садулаев, являясь чеченцем, не придерживается позиции ни российской, ни чеченской сторон в противоречии. Для него не существует отдельных национальностей. Стереотипное восприятие в ходе повествования трансформируется в понимание действительной личности человека (вне зависимости от его места проживания). Нет Чечни только для чеченцев, а России исключительно для русских. Ему приходится сталкиваться со стереотипным восприятием себя. Здесь показателен авторский окказионализм «очечениться», имеющий негативную коннотацию. Тем не менее автор горд своей национальной принадлежностью. Мирно сосуществовать на территории одной большой страны всё же представляется возможным для него, в этом он видит спасение и выход из межнационального конфликта.

Садулаеву как писателю свойственно обобщение и систематизация, что мы можем заметить в тексте на примере повторяющихся образов, мотивов, соединяющих книгу как жанровое единство. Автору важно осмыслить тему войны и найти ответ на вопрос: «Как существовать в пределах одной страны представителям столь разных ментально национальностей?». Решение, казалось бы, простое, но не очевидное для проливавших кровь людей – любовь и добро.

Библиографический список

1. Readly. – <http://readly.ru/author/8554> (дата обращения: 04.10.2019).
2. Пономарева, Е. В. Прозаический микроцикл первой трети XX века как архаическая форма / Е. В. Пономарева, Ю. П. Агеева // Вестник ЮУрГУ. – 2014. – Т. 11, № 1. – С. 101–106.
3. Пономарева, Е. В. Циклизация и серийность малой прозы как явления литературного процесса XX–XXI вв. / Е. В. Пономарева. – Литературоведческий журнал. – 2014. – № 34. – С. 100–118.
4. Пономарева, Е. В. Эпическое измерение малой прозы Г. Садулаева / Е. В. Пономарева // Филология и культура. – 2015. – № 2 (40). – С. 225–230.